

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ, РЕСТАВРАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ/THEORY AND HISTORY OF ARCHITECTURE, RESTORATION AND RECONSTRUCTION OF HISTORICAL AND ARCHITECTURAL HERITAGE

DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.61.5>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦЕРКОВНОГО ЗОДЧЕСТВА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Научная статья

Литвинова Л.М.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0004-1217-2640;

¹ Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (lylechechka[at]mail.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются различные образцы церковного зодчества Курской губернии XIX–XX вв. с точки зрения выявления их семантических особенностей. Сходство стиля, архитектурных особенностей и времени создания храмовых зданий не обязательно приводит к сходству их семантических особенностей, связанных с историей церкви, целью их создания, людьми, которые в них молились и пр. Появление в постсоветское время термина «репрессированные храмы» подводит к новому семантическому аспекту, изначально не заложенному при строительстве дореволюционных храмов. Теперь, изучая их архитектуру и историю, русский человек невольно встает перед вопросом о том, какого покаяния и от кого требуют обстоятельства существования этих храмов и тех, кто в них молился до самого момента насильственного закрытия.

Ключевые слова: церковное зодчество, семантика русского стиля, Курская губерния.

SEMANTIC ASPECTS OF CHURCH ARCHITECTURE IN KURSK GOVERNORATE

Research article

Litvinova L.M.^{1,*}

¹ ORCID : 0009-0004-1217-2640;

¹ Kursk State University, Kursk, Russian Federation

* Corresponding author (lylechechka[at]mail.ru)

Abstract

The article examines various examples of church architecture in Kursk Governorate of the XIX–XX centuries from the point of view of identifying their semantic traits. The similarity of style, architectural features and time of creation of church buildings does not necessarily lead to the similarity of their semantic specifics related to the history of churches, the purpose of their creation, the people who prayed in them, etc. The emergence of the term ‘repressed churches’ in the post-Soviet period brings a new semantic aspect, which was not initially included in the construction of pre-revolutionary churches. Now, studying their architecture and history, the Russian person involuntarily faces the question about what repentance and from whom the circumstances of the existence of these temples and those who prayed in them until the moment of their forced closure require.

Keywords: church architecture, semantics of Russian style, Kursk Governorate.

Введение

Рассмотрение семантических аспектов в церковном зодчестве требует первоначального комментария. Более узкое понимание термина «семантика» относит его исключительно к области лингвистики, однако раздел семиотики, частью которой является семантика, изучает значение знаков в более широком смысле. Семантика первого порядка в храмовой архитектуре заключается в том, что исторически сложившиеся формы храма означают Царство Божие в единстве трёх его областей: Божественного, небесного и земного [10]. Исследуя церковное зодчество Курской губернии XIX–XX вв., мы постараемся выделить семантические аспекты именно в этом смысле.

История церковного зодчества в Курской губернии имеет более чем тысячелетний опыт. Первые сведения о православных храмах на этой территории относятся к XI–XII вв. и упоминаются в известном памятнике древнерусской литературы — Житии Феодосия Печерского, проживавшего некоторое время в Курске [2]. Более широко строительство храмов Курской десятины развернулось при заселении этой территории в XVI–XVII вв., достигнув к 1654 г. 66 храмовых зданий [4, С. 3] (к нашему времени ни одно из них не сохранилось), а пик храмостроительства приходится на XIX — начало XX вв. К 1914 г. в Курской губернии богослужения совершались уже в 1209 храмах [3, С. 5].

Отвечая на вызовы времени, русская архитектура конца XIX — начала XX века являлась носителем глубокой духовности и символики, придавая современным конструкциям традиционные формы и смыслы. Несмотря на противоречивость процессов конца XIX — начала XX вв. в духовной сфере, церковный кризис и нарастание атеистических настроений, религиозность оставалась важнейшей составляющей менталитета русского общества и во многом определяла этническую картину мира. Храмы и церкви, возводимые в этот период, стали своеобразными диалогами между прошлым и будущим, стремлением сохранить веру в переменчивом мире. Вместе с тем острое восприятие общественных изменений, порожденных индустриализацией и социальными трансформациями, находило отражение в работах архитекторов, которые не боялись экспериментировать и искать новые подходы к сакральным пространствам. Обновление форм, стремление к величию и грандиозности, четкая симметрия и гармония в сочетании

с новым языком архитектуры создавали уникальные произведения, которые до сих пор служат символами русского духовного наследия.

Методы и принципы исследования

Архитектурные особенности храмов Курской губернии, построенных в начале и конце исследуемого периода, имеют значительные отличия. Архитекторы начала XX в., не теряя интерес к традиционным формам церковного зодчества, стремились использовать современные возможности для строительства. Во многом благодаря этому большая часть храмов Курской губернии сейчас в большей или меньшей степени носит эклектичный характер. Далее мы рассмотрим наиболее характерные для данного периода храмы и выделим в отношении каждого из них семантические особенности.

Анализ статистических и стилистических тенденций позволяет говорить о том, что мощный всплеск храмоздательства в конце XIX — начале XX века имел под собой целый комплекс причин, среди которых: резкое увеличение численности городского населения и развитие городской инфраструктуры; патриархальные настроения в среде торгово-промышленного купечества, которое явилось главным заказчиком при сооружении храмов. Не менее важным был и тот факт, что в общественном сознании шло постепенное размывание собственно религиозных смыслов идеологии храма за счет имманентно присущих ей общекультурных смыслов: храм начинает восприниматься как воплощение народности, соборности, истины, красоты.

Рисунок 1 - С. Погорельцево, храм Параскевы Пятницы
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.61.5.1>

Примечание: автор - Литвинова Л.М., 2023 г

Строительство каменного храма Параскевы Пятницы в с. Погорельцево (рис. 1) длилось с 1903 по 1914 гг. Храм возведен из красного кирпича. Его архитектура относится к русскому стилю, в оформлении фасадов использованы декоративные элементы, восходящие к русскому зодчеству XVII столетия: ширинки, кокошники и килевидные арки. Важной семантической особенностью храма является его крестообразное объемно-пространственное решение. Православный храм в исторически сложившихся формах означает прежде всего Царство Божие в единстве трех его областей: Божественного, небесного и земного. Отсюда наиболее распространенное трехчастное деление храма: алтарь, собственно храм и притвор (или трапеза). Алтарь знаменует собой область бытия Божия, собственно храм — область горнего ангельского мира (духовное небо) и притвор-область земного бытия. Освященный по особому чину, увенчанный крестом и украшенный святыми изображениями храм являет собой прекрасное знамение всего мироздания во главе с Богом его Творцом и Создателем. Благодаря узкому притвору, широкой центральной части и узкой части алтаря храм в Погорельцево представляет собой в горизонтальной проекции крест — главный христианский символ. Как видим, в данном случае архитектурная семантика максимально близка к «семантике первого порядка». Возможной причиной такого внимательного отношения к центру христианского провозвестия со стороны заказчиков строительства храма можно считать тот факт, что заказчиками были сами жители села Погорельцево, храм строился на собранные ими деньги — «тщанием прихожан». В течение более чем 300 лет, этот храм был духовным центром для жителей не только села Погорельцево, но и близлежащих деревень, а изначально, в XVI в., именно храм стал центром создания села вокруг него.

Внешний вид храма имеет черты стилизации и в этом смысле определенной вторичности. Автор проекта (имя не сохранилось) опирался на образцы древнерусского зодчества, что свойственно для русского стиля. Вокруг большого центрального купола храма расположены четыре небольших купола, кратно отличающиеся от основного по размеру. С одной стороны, это напоминает архитектуру более ранних пятикупольных старорусских храмов, с другой же стороны, эти четыре крошечных купола Пятницкого храма носят исключительно декоративный характер в отличие от основного, достаточно тяжеловесного на их фоне купола, имеющего практическую цель освещать храм при помощи высоких арочных окон. Тонкий высокий барабан, на котором располагается каждый из маленьких куполов, можно назвать слишком миниатюрным по сравнению с массивным барабаном центрального купола, что также характерно для русского стиля. Еще одним признаком эклектичности архитектуры данного храма можно считать сочетание разнородных форм куполов храма, колокольни, а также металлической кровли боковых приделов конусообразной формы.

В храмовом комплексе исследуемого периода особое внимание привлекает высокая колокольня, которая гармонично вписывается в архитектурный ансамбль. Она украшена характерными для русского стиля элементами, такими как кокошники и килевидные арки. С точки зрения семантического значения высокая колокольня помогает привлечь к храму дополнительное внимание более далеких жителей, напоминая христианам о возносящемся ввысь, к Небесам, храме.

Совсем иной вид имеет ровесник описанного выше храма – кладбищенская каменная церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы в Белице, архитектуру которой также можно отнести к русскому стилю (рис. 2, годы строительства 1903–1907). Несмотря на то, что большинство архитектурных элементов схоже с Пятницким храмом — само здание относится к типу «четверик на четверике», имеются схожие малые купола вокруг большого центрального, колокольня также имеет три яруса, однако храм этот производит впечатление стремящегося ввысь, к Небесам, нежели более фундаментальный, как крепко стоящий на земле богатырь, Пятницкий храм. Главной семантической особенностью Введенского храма является его схожесть со свечой, возносящейся в небо. Достаточно тонкий шпиль, которым завершается изящная колокольня, более тонкий барабан центрального (не светового) купола храма, наличие дополнительных куполов на нижнем четверике храма, высокие арочные окна всего храма, включая алтарную часть и колокольню, даже сама бело-голубая расцветка поддерживают впечатление воздушности, легкости, возвышенности храма. Дополнительно большие окна позволяют представить храм хорошо освещенным изнутри, как бы открытым Свету с небес.

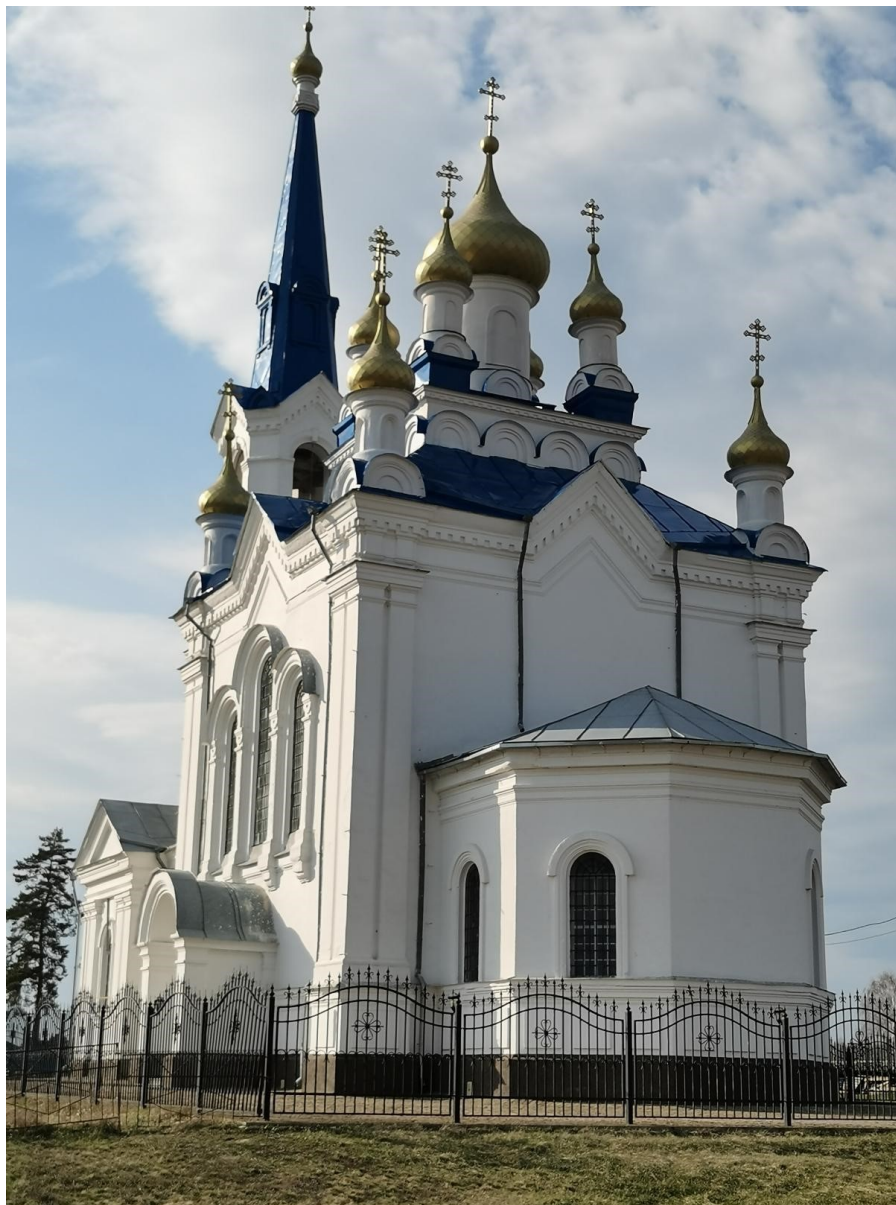

Рисунок 2 - С. Белица, храм Пресвятой Богородицы
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.61.5.2>

Примечание: автор - Литвинова Л.М., 2023 г

Внутреннее пространство Введенского храма, как бесстолпного, обретает принципиально новую символическую структуру: практически исчезает всякая пространственная дифференциация внутри храмового объема. Сомкнутый свод, даже в отличие от крещатого, непосредственного своего предшественника, утрачивает здесь всякий намек на символическую крестообразность в образной трактовке внутреннего пространства. Его пластичные линии и единообразное покрытие создают иллюзию бесконечности. Это — сплошная, никак и ничем не расчлененная конструкция, единая оболочка, в которой отсутствует даже разделение на перекрытие и ограждение. Исчезает и горизонтальная расчлененность пространства, выделение его сакральных поперечных зон.

Данные особенности могут свидетельствовать о том, что архитектурное пространство храма «отказывается» от традиционной символики (за исключением сохранения вертикальной устремленности к световому кольцу при его наличии), создавая лишь нейтральный фон, как бы семантически освобождая место для изобразительной символики. Образ внутреннего пространства как бы уподобляется, по удачному сравнению И. Бусевой-Давыдовой, «иллюминированному свитку», обволакивающему молящегося [1, С. 269–270].

Здесь можно говорить о возникновении новой творческой задачи — задачи формирования нового стиля символического языка и его содержания. Традиционная пластическая конфигурация внутреннего наполнения храма, с одной стороны, перестает быть тектонически оправданной и традиционно символической. Эта трансформация подчеркивает не только эволюцию архитектурного языка, но и углубление духовного смысла, который хранят в себе такие здания. Изменения, происходящие в восприятии формы, делают акцент на внутреннем пространстве и

чувственном опыте, который оно создает. Неразрывная связь между архитектурой и духовностью становится все более выразительной, где форма служит как бы проводником неведомого.

Стремясь к цели наиболее точно отразить стилевые направления церковного зодчества Курской губернии, невозможно обойти вниманием храм преподобного Серафима Саровского на Цыганском бугре, имеющий необычное происхождение (рис. 3,4).

Рисунок 3 - Г. Курск, храм Преподобного Серафима Саровского на Цыганском бугре
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.61.5.3>

Примечание: 2023 г

Рисунок 4 - Курская губерния, храм Преподобного Серафима Саровского
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.61.5.4>

Примечание: фотография начала XX века

Церковь была построена в 1905 г. как храм и школа одновременно. В одном здании находились учебные классы и домовый храм. Главным заказчиком школы-храма был купец и меценат Иван Васильевич Пузанов, владелец особняка на ул. Ртищева (ныне здание Курской областной картинной галереи) и отец известного географа И.И. Пузанова [12]. Святой, в память о котором был построен храм, был канонизирован Православной российской церковью в 1903 г., и храм стал одним из первых в России, посвященных преподобному Серафиму Саровскому, уроженцу Курска. Иван Пузанов проявлял попечение о Курске и его жителях в разных сферах жизни. Будучи тяжело больным, он имел особое желание построить храм в честь своего земляка. Сам купец умер до открытия храма-школы, однако после его кончины в храме был отмечен еще один новопрославленный святой — сразу же после канонизации святителя Иоасафа Белгородского в 1911 г. в нем был освящен придел во имя этого новоканонизированного святителя [11].

Первые 10 лет храм не являлся приходским и существовал при школе. Для совершения богослужений приезжал священник из центрального кафедрального собора Курска.

Храм построен в стиле историзм с использованием декоративных возможностей фигурного облицовочного кирпича. Это кирпичный, неоштукатуренный, бесстолпный одноглавый храм, имеющий в плане сложную конфигурацию, учитывающую задачи не только церкви, но и школы. Основой композиции является четверик, к которому с востока прилегает пятигранная апсида. Церковь имеет алтарный полукупол и высокий сомкнутый свод четверика. К удлиненной по форме трапезной с южной стороны примыкает придел, сопоставимый с ней по площади, уже в наше время с северной стороны был пристроена колокольня высотой 16,5 м. Отсутствие первоначальной колокольни, возможно, было вызвано смертью главного спонсора и недостатком средств.

Семантические особенности храма связаны с его назначением. Здание смотрится гармонично, в нем большую часть помещения занимают учебные помещения, храмовая часть выделяется благодаря куполу и апсидной алтарной части. Ранее храм был увенчан более высоким куполом (см. рис. 4 до 1917 г.), указывавшим на устремленность ввысь, к небу, напоминая о связи Бога и человека. Об этом же напоминают 4 люкарны с иконами, встроенные в купол с четырех сторон света. Большие окна позволяют хорошо освещать храм, что особенно ценно для юных молитвенников, для которых важно, чтобы вера не ассоциировалась с атмосферой средневековой тьмы, а была живой и современной, непосредственно связанной с жизнью. Этой же цели способствует гармоничность и красота здания в целом. Лапидарность украшений храма, с одной стороны, выделяет его на фоне обычных зданий, а с другой — показывает, что вера и жизнь связаны непосредственно, как школа и храм в одном здании.

Как и многие другие храмы в советское время, это здание также было закрыто для богослужений, однако его учебная компонента продолжала действовать: здесь находились школьные помещения. Один из учеников этой школы вспоминает, как в 1949 году он занимался в спортивном зале, устроенном в бывшем храме. К куполу, на месте паникадила, был прикреплен канат — дети гордились тем, что в их в школе самый длинный канат на весь Курск. Это яркий пример кощунственного отношения к храмам и тем семантическим знакам, которые они в себе несли. Неслучайно при закрытии храмов разрушали именно их — не только меняли интерьер, перестраивали здания, но и сносили купола, разрушали колокола, а при наличии высоких колоколен часто приводили их в негодность.

В Курской губернии церковное зодчество представлено разнообразием форм и стилей, регион богат церковными сооружениями, каждое из которых является выразительным архитектурным ансамблем. Одним из самых знаменитых сооружений является каменная трехпрестольная церковь Илии Пророка, расположенная в селе Заолешенка Суджанского района (рис. 5). Храм был построен в 1885 г., но окончательно завершен в начале XX века — в 1911 г., когда купец Соломатин «с прихожанами» достроил справа и слева от колокольни стены и увеличил тем самым объем. Такое свободное отношение к архитектурному сооружению свидетельствует о том, что каноны не превалировали над пониманием того, что храм должен отвечать нуждам прихожан [12].

Рисунок 5 - Курская область, Суджанский район, Ильинская церковь слободы Заолешенка
DOI: <https://doi.org/10.60797/mca.2025.61.5.5>

Церковь построена в русском стиле. Фасад храма характеризуется сложной архитектурной композицией, сочетающей в себе традиционные элементы и оригинальные детали. Основное здание увенчано пятью куполами с луковичными формами, которые завершаются декоративными главками. Центральная часть выделена высоким фронтоном с треугольным завершением, под которым расположено несколько окон с арочной верхней частью. Боковые части здания имеют более простую форму, но также украшены оконными проемами. Стены подчеркнуты пилястрами и декоративными элементами, придающими фасаду выразительность. Вход в храм оформлен арочным порталом с изящными колоннами.

Все эти элементы являются семантическими особенностями храмового комплекса, создающими торжественный настрой у тех, кто его видит издали или заходит для молитвы. Необходимы внутреннее молитвенное усилие, духовная концентрация на символике пространственных форм, чтобы сложная конструкция храма предстала как единый символ Единого Бога. Такая архитектура способствовала преобразению сознания молящегося, возводя его к углубленному созерцанию мироздания. Использование белого цвета фасада создает ощущение света и воздушности, подчеркивая эстетичность и величие храма. Этот храм говорит не только о величии Творца, но и о Его любви к человеку, Его открытости, желании принять в Свой Дом. В такой храм действительно хочется войти и побыть в нем, он не пугает своими размерами или слишком далеким от жизни обликом. Хорошая освещенность, как и в предыдущем примере, создает атмосферу не закрытости от окружающей жизни, а наоборот, открытости сердца. Это тоже важный семантический знак: христианин призван быть открытым миру, неся весть о воскресшем Христе граду и миру.

В советское время храм сильно пострадал. Его использовали как склад для хранения соли и зерна. В конце 1980-х гг. храм был отдан церкви в плачевном состоянии — стены и пол были разъедены солью и сыростью, крыши не было вовсе. В ходе реставрации удалось восстановить часть росписей, остальные были созданы заново.

В настоящее время богослужения в храме снова прерваны из-за вторжения в Курскую область ВСУ. В последних видеоматериалах можно увидеть повреждения фасада и разрушение несущих конструкций.

Исследуя тему семантических аспектов курских храмов означенного периода, нельзя обойти вниманием тот факт, что большинство из них было закрыто в советское время. Храмы всегда старались строить как наиболее красивые здания населенного пункта, достойные великого Бога, Которому они посвящены. Люди с готовностью жертвовали на устройство храмов иногда свои последние сбережения, проявляя тем самым любовь к Богу, свое благоговение перед Ним, считая это своим служением Богу, символом которого является крест. Безусловно, никто из этих строителей и жертвователей не предполагал, что в будущем их потомки устроят в храмах кинотеатры (Знаменский храм), склады (Пятницкий храм), конюшни (Введенский храм) и пр. Тем более они не могли представить, что священнослужители и прихожане этих храмов будут подвергаться арестам и пыткам, а многие из них будут расстреляны в годы советских гонений на церковь. Появление в постсоветское время термина «репрессированные храмы» подводит нас к новому и достаточно неожиданному семантическому аспекту, который изначально не был заложен при строительстве дореволюционных храмов. Теперь, изучая их архитектуру и историю, русский человек невольно встает перед вопросом о том, какого покаяния и от кого требуют обстоятельства существования этих храмов и тех, кто в них молился до самого момента насильственного закрытия.

Одним из ответов на этот вопрос, но, на наш взгляд, далеко не единственным, следует считать восстановление разрушенных ранее храмов, вновь напоминающих о том, что именно они издревле являлись архитектурной доминантой населенных пунктов на Руси [9, С. 88]. Этот факт подтверждает мысль Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского о том, что смена культур, в т.ч. вызванная изменением государственного устройства, которое произошло в России в 1991 г. «сопровождается обычно резким повышением семиотичности поведения» [5, С. 486]. Поэтому идея «воссоздания

храма — Воплощенного Покаяния» выдвигалась на протяжении последних 30 лет неоднократно в различных контекстах [12, С. 62].

Заключение

Отметим, что сходство стиля, архитектурных особенностей и времени создания храмовых зданий не обязательно приводит к сходству их семантических особенностей, связанных с историей церквей, целью их создания, людьми, которые в них молились и пр. Все эти храмы традиционно сохраняют трехчастное (или двухчастное) символическое внутреннее деление, и в устройстве внутреннего пространства и внешнего оформления следуют глубоким духовным истинам Православия. Например, символично количество куполов: один купол знаменует единство Бога, совершенство творения; два купола соответствуют двум естествам Богочеловека Иисуса Христа, двум областям творения; три купола знаменуют Святую Троицу; четыре купола — Четвероевангелие, четыре стороны света; пять куполов (самое распространенное число), где средний возвышается над четырьмя другими, означают Господа Иисуса Христа и четырех евангелистов; семь куполов знаменуют семь таинств Церкви, семь Вселенских Соборов.

Таким образом, мы видим, что храмы являются свидетелями истории той территории, на которой они находятся. Даже в закрытом или разрушенном виде они не теряют силы своих семантических особенностей, напоминая людям о Высшей силе добра и справедливости.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Бусева-Давыдова И.Л. Эволюция внутреннего пространства храмов XVII в. (на примере церквей Троицы в Никитниках и Покрова в Филях) / И.Л. Бусева-Давыдова // Архитектурное наследство. Вып. 38. Проблемы стиля и метода в русской архитектуре. — Москва: Стройиздат, 1995. — 271 с.
2. Житие Феодосия Печерского / Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д.С. Лихачёва, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева [и др.]. — Санкт-Петербург : Наука, 1997. — Т. 1: XI–XII века. — 543 с.
3. Из истории храмов Курской епархии. Курск, Курский, Глушковский, Кореневский, Рыльский, Хомутовский районы. — Курск, 2013. — 237 с.
4. Из истории храмов Курской епархии. Обоянский и Суджанский районы. — Курск, 2008. — 172 с.
5. Крючкова О.Н. Формирование некоторых концептов постсоветской культуры (на примере восстановления храма Христа Спасителя в Москве (1994—2000 гг.)) / О.Н. Крючкова // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 3. — С. 59–65.
6. Логинов С.П. Курский исследователь И.И. Пузанов (1885–1971): ученый, путешественник, кримвед / С.П. Логинов // Научный вестник Крыма. — 2018. — № 5 (16).
7. Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Семиосфера / Ю.М. Лотман. — Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. — С. 485–503.
8. Маркова О.Н. Религиозная семантика в современном монументальном ландшафте: общероссийский и региональный аспекты / О.Н. Маркова // Наследие веков. — 2021. — № 4. — С. 85–102.
9. Нащокина М.В. Храмы-памятники русской воинской славы / М.В. Нащокина // Памятники Отечества. — 1988. — № 1 (17). — С. 143–148.
10. Петров-Спиридонов Н.А. Семантические аспекты «русского стиля» в церковном зодчестве синодального периода / Н.А. Петров-Спиридонов // Architecture and Modern Information Technologies. — 2021. — № 4 (57). — С. 109–133.
11. Столяр Е. Церковь на Цыганском бугре / Е. Столяр. — URL: <http://old-kursk.ru/news/es120214.html> (дата обращения: 12.03.2025).
12. Холодова Е.В. Серафимовская церковь / Е.В. Холодова // Курск. Краеведческий словарь-справочник. — Курск: ЮМЭКС, 1997. — С. 352.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Buseva-Davydova I.L. Evolyuciya vnutrennego prostranstva hramov XVII v. (na primere cerkvej Troicy v Nikitnikah i Pokrova v Filyah) [Evolution of the interior space of the temples of the XVII century (on the example of the Holy Trinity Church in Nikitniki and the Church of the Intercession at Fili)] / I.L. Buseva-Davydova // Arhitekturnoe nasledstvo. Vyp. 38. Problemy stilya i metoda v russkoj arhitekture [Architectural Heritage. Iss. 38. Problems of style and method in Russian architecture]. — Moscow: Strojizdat, 1995. — 271 p. [in Russian]
2. ZHitie Feodosiya Pecherskogo [Life of Theodosius of Pechersk] / Text preparation, translation and commentary by O.V. Tworogov // Library of the Literature of Ancient Rus / RAS. IRLI; ed. by D.S. Lihachyov, L.A. Dmitriev, A.A. Alekseev [et al.]. — St.Petersburg : Nauka, 1997. — T. 1: XI–XII century. — 543 p. [in Russian]

3. Iz istorii hramov Kurskoj eparhii. Kursk, Kurskij, Glushkovskij, Korenevskij, Ryl'skij, Homutovskij rajony [From the history of churches of the Kursk diocese. Kursk, Glushkovsky, Korenevsky, Rylsky, Khomutovsky districts]. — Kursk, 2013. — 237 p. [in Russian]
4. Iz istorii hramov Kurskoj eparhii. Oboyanskij i Sudzhanskij rajony [From the history of churches of the Kursk diocese. Oboyansky and Suzhansky districts]. — Kursk, 2008. — 172 p. [in Russian]
5. Kryuchkova O.N. Formirovanie nekotoryh konceptov postsovetskoj kul'tury (na primere vosstanovleniya hrama Hrista Spasitel'ya v Moskve (1994—2000 gg.)) [Development of some concepts of post-Soviet culture (on the example of the restoration of the Cathedral of Christ the Saviour in Moscow (1994–2000))] / O.N. Kryuchkova // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication]. — 2009. — № 3. — P. 59–65. [in Russian]
6. Loginov S.P. Kurskij issledovatel' I.I. Puzanov (1885–1971): uchenyj, puteshestvennik, krymoved [Kursk researcher I.I. Puzanov (1885–1971): scientist, traveller, Crimean scientist] / S.P. Loginov // Nauchnyj vestnik Kryma [Scientific Bulletin of Crimea]. — 2018. — № 5 (16). [in Russian]
7. Lotman YU.M. O semioticheskom mekhanizme kul'tury [On the semiotic mechanism of culture] / YU.M. Lotman, B.A. Uspenskij // Semiosfera [Semiosphere] / YU.M. Lotman. — St.Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. — P. 485–503. [in Russian]
8. Markova O.N. Religioznaya semantika v sovremennom monumental'nom landshafte: obshcherossijskij i regional'nyj aspekty [Religious semantics in the modern monumental landscape: all-Russian and regional aspects] / O.N. Markova // Nasledie vekov [Heritage of Centuries]. — 2021. — № 4. — P. 85–102. [in Russian]
9. Nashchokina M.V. Hramy-pamyatniki russkoj voinskoj slavy [Temples-monuments of Russian military glory] / M.V. Nashchokina // Pamyatniki Otechestva [Monuments of the Fatherland]. — 1988. — № 1 (17). — P. 143–148. [in Russian]
10. Petrov-Spiridonov N.A. Semanticheskie aspekty «russkogo stilya» v cerkovnom zodchestve sinodal'nogo perioda [Semantic aspects of the 'Russian style' in church architecture of the synodal period] / N.A. Petrov-Spiridonov // Architecture and Modern Information Technologies. — 2021. — № 4 (57). — P. 109–133. [in Russian]
11. Stolyar E. Cerkov' na Cyganskom bugre [Church on Gypsy hill] / E. Stolyar. — URL: <http://old-kursk.ru/news/es120214.html> (accessed: 12.03.2025). [in Russian]
12. Holodova E.V. Serafimovskaya cerkov' [Serafimovskaya Church] / E.V. Holodova // Kursk. Kraevedcheskij slovar'-spravochnik [Kursk. Local lore dictionary and reference book]. — Kursk: YUMEKS, 1997. — P. 352. [in Russian]